

Всеволод Сергеевич Соловьев

Воскресенье (Старые были)

Всеволод Соловьев так и остался в тени своих более знаменитых отца (историка С. М. Соловьева) и младшего брата (философа и поэта Владимира Соловьева). Но скромное место исторического беллетриста в истории русской литературы за ним, безусловно, сохранится.

Помимо исторических романов представляют интерес воспоминания

**Вс. С. СОЛОВЬЕВЪ
ВОСКРЕСЕНЬЕ**

Одно изъ лучшихъ воспоминаній моего дѣтства — воскресенье Начать съ того, что въ этотъ день я не долженъ былъ рано вставать и садиться за повтореніе уроковъ, очень часто плохо приготовленныхъ съ вечера. Я могъ подремать лишній часъ-другой, и въ этой утренней дремотѣ являлись всегда такія радужныя и блаженныя видѣнія.

Потомъ мало-по-малу видѣнія эти блѣднѣли, все больше и больше перепутываясь съ окружавшей обстановкой и, наконецъ, совсѣмъ переходили въ дѣйствительность. Я раскрывалъ глаза, выглядывалъ изъ-за полога моей кровати, вспоминалъ, что сегодня воскресенье — и радостное, широкое чувство наполняло меня.

Я снова скрывался за занавѣской и наблюдалъ: наша крѣпостная няня, Анна Тимофеевна, только что вынула изъ кровати моего младшаго брата и съ хорошо знакомымъ мнѣ хохлацкимъ ворчаніемъ (она была изъ Малороссіи) натягивала чулки на его маленькія толстыя ноги. Онъ барахтался, брыкался, и, очевидно, никакъ не могъ совсѣмъ разгуляться; большіе сѣрые глаза его

то раскрывались во всю ширину, то опять смыкались; выраженіе круглой какъ шарикъ мордочки было самое уморительное.

Хорошенькая нянина дочка, Ариша, въ дальнемъ углу нашей большой дѣтской, умывала черненькую, худенькую сестру мою; а другая сестра, толстая, бѣлая, румяная дѣвочка, стояла уже совсѣмъ готовая, въ пышно накрахмаленныхъ юбкахъ, въ нарядномъ платьѣ, и тщательно и кокетливо причесывала передъ зеркаломъ свои бѣлокурые волосы.

Насмотрѣвшись на все это и чувствуя съ каждой секундой возроставшій приливъ радости и любви ко всѣмъ и ко всему, я вскакивалъ съ кровати, не дожидаясь няни началъ самъ поспѣшно одѣваться, переговариваясь и пересмѣиваясь съ сестрами и братомъ.

Вотъ и я готовъ, и спѣшу въ столовую, гдѣ за чаемъ, очевидно уже давно, сидятъ отецъ и мать. Крѣпко и громко цѣлую я бѣлую и нѣжную руку отца. Спокойный взглядъ его ясныхъ голубыхъ глазъ нѣсколько сдерживаетъ мою рѣзвость, но на губахъ его я подмѣчаю добродушную улыбку. Онъ слегка хлопаетъ

меня по плечу, а потомъ поднимается съ кресла и надѣваетъ очки: признакъ, что сейчасъ выйдетъ изъ дому.

Я подбѣгаю къ матери и начинаю цѣловать ее въ руки, губы, глаза; она говоритъ что-то о томъ, что я растреплю ее и сомну, но въ то же время сама крѣпко обнимаетъ меня и цѣлуетъ. Я замѣчаю на блестящихъ черныхъ волосахъ ея нарядную наколку, замѣчаю ея шелковое, стального цвѣта, въ розовыхъ букетахъ платье и накинутую поверхъ него мѣховую мантилью.

— Что это, какъ дѣти запаздываютъ, вѣдь, ужъ пора бы вамъ и ѣхать! — обращается къ матери отецъ, беретъ шляпу и уходитъ.

Мы быстро выпиваемъ свой чай, молоко, съѣдаемъ булки и бѣжимъ вслѣдъ за матерью въ переднюю.

Та же няня Анна, та же Ариша и лакей Николай, въ сѣрой ливреѣ съ собачьимъ воротникомъ, закутываютъ насъ въ зимніе кафтанчики и салопчики. Какъ-то особенно весело распахиваются двери; себя не помня мы слетаемъ съ лѣстницы.

У подъѣзда дожидается наша просторная

низенькая карета, внутри обитая яркожелтымъ бархатомъ, съ козелъ которой, ласково улымаясь и подмигивая, глядитъ на насъ, и въ особенности на меня, другой Николай, нашъ кучеръ, закадычный мой другъ и пріятель. Я отвѣчаю ему такими же улыбками и подмигиваніями, и въ то время какъ усаживаются мать и сестры, въ то время какъ лакей на рукахъ подноситъ къ каретѣ маленькаго брата, я сосредоточиваю все свое вниманіе на лошадяхъ: на Копчикъ и Пайкъ, изъ которыхъ послѣдній, несмотря на свое прозвище, ведетъ себя не особенно прилично. Онъ все какъ-то дергаетъ и то силится приподняться на дабы, то тянется укусить за ухо товарища.

— Шалишь! — отрываясь отъ перемигиванія со мною, грознымъ голосомъ восклицаетъ Николай и бьетъ его возжею.

Пайка успокоивается, лакей подсаживаетъ меня въ карету, захлопываетъ дверцы и, подобравъ полы своей длинной ливреи, вскакиваетъ на козлы. Слышится веселый скрипъ колесъ по твердому снѣгу, лошади трогаются — мы ъдемъ въ церковь.

Обѣдня уже началась. Отецъ, пріѣхавшій

гораздо раньше насъ, стоитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ у клироса; на лицѣ его благоговѣйное вниманіе, время отъ времени онъ закрываетъ глаза и медленно крестится. Сначала я стараюсь подражать ему, тоже вслѣдъ за нимъ закрываю глаза и крещусь, повторяю про себя то, что говорится и поется.

Но скоро вниманіе мое начинаетъ развлекаться, слова священнослужителей и хора исчезаютъ, не достигая моего слуха; я разглядываю знакомые лики иконостаса, потомъ переношу свои наблюденія на окружающихъ меня, по преимуществу дамъ и дѣтей, и стараюсь угадать, что въ эту минуту думаетъ вотъ этотъ прилизанный, затянутый въ гимназическій мундиръ мальчикъ, вотъ эта завитая нарядная дѣвочка, которая то и дѣло смотритъ на кончики своихъ свѣтлосѣрыхъ ботинокъ, вотъ эта толстая дама, занявшая своимъ кринолиномъ чуть не квадратную сажень. Наконецъ, я обращаю вниманіе на стоящаго передо мною младшаго брата и начинаю дуть ему въ маковку. Онъ оборачивается ко мнѣ, улыбается, а потомъ вдругъ опускается на колѣни на коврикъ. Но я хорошо вижу,

что онъ всталъ вовсе не на колѣни, не для того, чтобы молиться, а присѣлъ отъ усталости и черезъ минуту даже покачнулся и совсѣмъ задремалъ. Я тихонько подталкиваю его сзади, онъ вскакиваетъ и начинаетъ креститься. Я стараюсь снова сосредоточить все вниманіе на службѣ и въ то же время чувствую въ ногахъ и во всемъ тѣлѣ не то усталость, не то томленіе, хочется походить, немного размяться; кажется, что обѣдня какъ-то особенно на этотъ разъ тянется. Я опять отвлекаюсь, ухожу въ свои мысли, а мысли перескакиваютъ съ одного предмета на другой, перегоняютъ другъ друга, мелькаютъ отрывочно, беспорядочно. Я едва поспѣваю за этой бѣготней ихъ, совсѣмъ ужъ не сознаю окружающаго, и только прикосновеніе матери заставляетъ меня очнуться.

« Б л а г о ч е с т и в ѣ й ш а г о , самодержавнѣйшаго... » раздается по церкви. Томленья и усталости какъ не бывало. Бодро и радостно прикладываюсь я ко кресту и выхожу вслѣдъ за своими.

Мы отправляемся къ дѣдушкѣ и бабушкѣ.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; я

совсѣмъ позабылъ многія мѣстности, многіе дома, гдѣ проводилъ и веселыя и скучныя минуты своей жизни; но каждый малѣйшій завитокъ на обояхъ дѣдушкина дома, каждый узоръ тюлевыхъ занавѣсокъ на его окнахъ, мнѣ памятенъ.

Это былъ такой домъ, какихъ теперь мнѣ ужъ никогда не приходится видѣть. Онъ былъ далеко не обширенъ и крайне простъ въ своемъ убранствѣ. Вся прелесть его заключалась, главнымъ образомъ, въ необыкновенной чистотѣ и какомъ-то странномъ, никогда потомъ не слыханномъ мною, ароматѣ, носившемся по всѣмъ его комнатамъ.

Полы всюду были некрашеные, но гладкіе и блестящіе какъ слоновою костью; веселенькіе обои съ кой-гдѣ развѣшанными портретами и старинными гравюрами; по угламъ большія иконы съ зажженными лампадками; въ залѣ красныя кумачныя шторы, старыя зеркала съ массивными подзеркальниками краснаго дерева, такіе же массивные ломберные столы и рядъ стульевъ съ прямыми квадратными спинками, съ мягкими красными подушками, привязанными къ ихъ сидѣньямъ.

Въ гостиной опять тяжеловѣсная неуклюжая мебель краснаго дерева съ голубой обивкой бѣлыми разводами, подъ овальнымъ столомъ большой коверъ работы прабабушки; у оконъ зеленыя горки со всевозможными цвѣтами и растеніями, изъ которыхъ особенно я помню одно: внутренняя сторона листьевъ была яркокрасная, наружная — блѣднозеленая съ разсыпанными по ней совершенно серебряными правильными кружочками.

Столовая была не велика и вовсе не приспособлена къ большимъ и параднымъ обѣдамъ; но это была самая комната въ домѣ, потому милая что въ ней уничтожались такія кулебяки и прочія кушанья, какими потомъ меня ужъ нигдѣ и никогда не кормили. Бабушка была величайшая мастерица во всѣхъ дѣлахъ хозяйственныхъ, а дѣдушка былъ такой человѣкъ, о которомъ начать рѣчь слѣдовало бы вовсе не по поводу кулебякъ; но если ужъ такъ пришлось, то бѣда не велика, тѣмъ болѣе, что до кулебякъ и вообще вкусныхъ обѣдовъ онъ былъ охотникъ, хотя никогда не позволялъ себѣ никакихъ излишествъ.

Дѣдушку въ свое время знали въ Москвѣ очень многіе, да и теперь, вѣроятно, его еще несовсѣмъ забыли. Это былъ человѣкъ, много учившійся, много читавшій, размышлявшій и въ тоже время человѣкъ съ дѣтски чистымъ сердцемъ, которое никогда не могло примириться съ житейскою злобою и неправдой, никогда не могло допустить даже ихъ существованія.

Если же ему приходилось натолкнуться на какое-нибудь проявленіе безнравственности, или злобы человѣческой, то онъ долго отказывался повѣрить свидѣтельству собственныя чувства своихъ, старался все объяснить какой-нибудь ошибкой, недоразумѣніемъ; а если этого никакъ нельзя было сдѣлать, тогда онъ начиналъ жалѣть погибшаго человѣка, но ужъ не искалъ ему оправданія, не являлся его защитникомъ передъ людьми, а замолкалъ, глубоко потрясенный и взволнованный. При первой возможности онъ уходилъ куданибудь, гдѣ думалъ, что его никто не увидитъ, и начиналъ горячо и со слезами молиться.

Дѣти вообще наблюдательны, а я въ

дѣтствѣ былъ еще болѣе наблюдателенъ, чѣмъ впослѣдствіи; я очень хорошо понималъ почти все меня окружавшее, а за дѣдушкой слѣдилъ постоянно, потому что онъ возбуждалъ во мнѣ благоговѣйное чувство, и я много разъ былъ притаившимся свидѣтелемъ его молитвы, послѣ которой онъ обыкновенно появлялся какъ-то особенно просвѣтленнымъ. И я тогда, затаивая въ себѣ благоговѣйный трепетъ, всегда сравнивалъ его съ Моисеемъ на старой гравюрѣ, съ Моисеемъ, сходящимъ къ народу, послѣ бесѣды съ Богомъ.

Мое живое, дѣтское воображеніе работало быстро; я всегда былъ увѣренъ, что и дѣдушка бесѣдовалъ съ Богомъ, что самъ Богъ говорилъ ему. Да и не одинъ я, маленькій мечтательный мальчикъ, смотрѣлъ на дѣдушку, какъ на особеннаго человека, способнаго лицомъ къ лицу бесѣдовать съ Богомъ — такъ на него смотрѣли многіе, и въ особенности женщины: разныя московскія благочестивыя дамы, которыя обращались къ нему во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ своей жизни за совѣтами и нравствен-

ной помощью, считая его и святымъ и разумнымъ человекомъ. Онъ всегда бывалъ готовъ всѣмъ помочь, во всѣхъ принять участіе; и кажется, вся тайна той помощи, какую въ немъ находили, заключалась именно въ томъ, что онъ дѣйствительно во всѣхъ принималъ участіе.

Достаточно было взглянуть на его прекрасное старческое лицо, обрамленное длинной шелковистой бѣлой бородой, на его ярко-голубые глаза, до послѣднихъ дней жизни сохранившіе чистоту и ясность; достаточно было увидѣть его дѣтски добродушную улыбку, услышать ласковый голосъ, чтобы сразу понять, что передъ этимъ человекомъ нечего скрывать, что онъ имѣетъ право войти какъ другъ и совѣтникъ въ чѣмъ либо смущенную душу ближняго. И что въ немъ было особенно мило и дорого, — это, рядомъ съ серьезными качествами ума и сердца, неизмѣнная веселость нрава, шутливость, умѣнье радоваться жизнью и брать отъ нея полной чашею всѣ невинныя удовольствія, какія только можетъ дать она. Дѣдушка, этотъ молитвенникъ и совѣтчикъ, одинаково любилъ и от-

влеченную бесѣду, и серьезную книгу, и стихи, и музыку, и шуточный разговоръ, пересыпаемый громкимъ смѣхомъ и остроумными выходками, и вкусный обильный обѣдъ, приготовленный подъ верховнымъ наблюдениемъ бабушки, и игру съ нами, дѣтьми. Очень часто, расшалившись, мы обступали этого патріарха этого Моисея, лазили къ нему на колѣни, на спину, на плечи и кричали: дѣдушка, полай! «дѣдушка, будь медвѣдемъ!».

И дѣдушка начиналъ удивительно подражать всевозможному собачьему лаю, и превращался въ медвѣдя; а мы съ визгомъ и крикомъ разсыпались отъ него во всѣ стороны.

Не менѣе игръ съ нами, внучатами, любилъ онъ веселое общество молодежи. Юноши и молоденькія дѣвушки несли къ нему свои альбомы, бывшіе тогда еще въ большой модѣ. Юношамъ онъ вписывалъ твердымъ, красивымъ почеркомъ изреченія изъ латинскихъ и греческихъ классиковъ, которыхъ зналъ чуть-ли не наизусть, и тутъ же заставлялъ переводить имъ написанное.

Бывало, юноша начинаетъ переводить

бойко, но вдругъ спотыкается, путается, краснѣеть. Добродушная, лукавая усмѣшка играетъ на губахъ дѣдушки.

— А зачѣмъ же альбомъ подставляешь, — говоритъ онъ:— если понять не можешь того, что тебѣ пишутъ?!. Поучись, голубчикъ, поучись хорошенько, а я вотъ тебѣ и задачу задамъ...

И онъ снова беретъ перо и выписываетъ такую фразу, которая ужъ совсѣмъ непонятна для смущеннаго и робко заглядывающаго черезъ его плечо владѣльца альбома.

Если же юноша оказывался знатокомъ древнихъ языковъ, то дѣдушка оставался очень доволенъ, называлъ его умницей и молодцомъ и вступалъ съ нимъ въ разговоръ на древне-греческомъ или латинскомъ языкѣ. До этихъ разговоровъ онъ былъ большой охотникъ, только, конечно, черезчуръ рѣдко ему удавалось вести ихъ. Молоденькимъ дѣвушкамъ дѣдушка обыкновенно вписывалъ въ альбомъ французскія четверостишія, чрезвычайно граціозныя и невинныя, и всегда заключавшія въ себѣ намеки на обязанности доброй дочери, жены или матери. Вооб-

ще, въ своихъ сношеніяхъ съ женщинами, и по преимуществу молодыми, дѣдушка любилъ щегольнуть знаніемъ самыхъ изящныхъ и правильныхъ оборотовъ французской рѣчи.

Была въ дѣдушкѣ и одна странность, которая очень изумляла и забавляла меня, ребенка: въ отрочествѣ онъ былъ какъ то напуганъ мышью и съ тѣхъ поръ до конца жизни слово «мышь» производило на него самое болѣзненное впечатлѣніе. Если при немъ кто нибудь выговаривалъ это слово, онъ мгновенно блѣднѣлъ, начиналъ трястись всѣмъ тѣломъ и, несмотря на свои годы и значительную полноту, стремительно выбѣгалъ изъ комнаты. И странно то, что названіе «мышь» на него дѣйствовало гораздо больше, чѣмъ само это животное. Мыши водились въ его домѣ и иногда изрядно скреблись подъ поломъ и за обоями, особенно во время тихихъ зимнихъ вечеровъ. Тогда дѣдушка становился посреди комнаты и начиналъ топать.

— Дѣдушка! — съ видомъ наивности, но въ сущности очень ехидно спрашивалъ я въ такихъ случаяхъ:— что это ты такое дѣлаешь?

— Таракановъ пугаю! — отвѣчалъ онъ и

продолжалъ еще громче топать, пока мыши не умолкали...

Но, увлекшись воспоминаніемъ о дѣдушкѣ, я не могу обойти молчаніемъ и мою бабушку, которую тоже я очень любилъ.

Дѣдушка былъ большого роста и отличался красотой, — бабушка была мала и дурна собою; впрочемъ, ничего непріятнаго не было въ ея наружности, напротивъ, ея дурнота скоро забывалась. Въ ея небольшихъ сѣрыхъ глазахъ свѣтилось всегда столько ума и проницательности; она иногда такъ ласково и привѣтливо улыбалась, она держала себя съ такимъ чувствомъ собственного достоинства, была о себѣ такого высокаго мнѣнія и такъ умѣла всѣхъ осаживать (ея любимое выраженіе), что внушала къ себѣ уваженіе, заставляла людей очень осторожно и предупредительно къ себѣ относиться.

Она была безспорно хорошей женой и матерью; но, можетъ быть, одна изъ всѣхъ, знавшихъ дѣдушку, не чувствовала къ нему благоговѣйнаго уваженія, не признавала его замѣчательныхъ достоинствъ, — ихъ натуры поражали своей противоположностью и ни-

когда не могли сойтись и понять другъ друга.

Бабушка вышла замужъ чуть-ли не четырнадцати-лѣтней дѣвочкой, по приказу своихъ старшихъ родственниковъ. Она рассказывала, какъ и многія старушки, что въ числѣ ея приданого находились и любимыя ея куклы, которыми она продолжала играть послѣ свадьбы. Получить хорошаго образованія ей не было времени до замужества, а въ первые годы семейной жизни, вѣроятно, не было охоты, — ей никогда не приходило въ голову, что для замѣчательно образованнаго и даже ученаго мужа необразованная жена можетъ показаться скучной; этой мысли она допустить не могла, ибо мужъ представлялся ей, несмотря на всю свою ученость и способности, не практическимъ и черезчуръ простымъ, несмыслящимъ очень многого въ жизни.

Ну, а она въ жизни все очень хорошо смыслила, не учителя и не книжки обучили ее, — сама жизнь обучила. Ея практическому уму, мѣткости и вѣрности ея сужденій, удивлялись многіе. Мужъ оставался до семидесяти лѣтъ чистымъ ребенкомъ, упорно отстаивая свою вѣру во все прекрасное и благородное, —

жена видѣла обратную сторону жизни, подмѣчала всѣ слабости, всѣ грѣхи своихъ ближнихъ и являлась ихъ строгимъ судьей, ядовито краснорѣчивымъ сатирикомъ. Ничто достойное осужденія не укрывалось отъ ея наблюдательности.

Она любила нѣкоторыхъ родныхъ своихъ, любила и даже почитала своего сына, отца моего, любила и баловала внучать; но чужихъ людей, вообще людей, за весьма немногими исключеніями, была склонна не любить и не уважать. Ея разговоры, ея разсужденія, безпощадная ясность ея выводовъ, способны были довести до отчаянія всякаго энтузіаста и человѣколюбца, всякаго искателя правды и свѣта на землѣ, среди земныхъ созданій.

Но съ ея характеромъ и взглядами, съ ея яснымъ и холоднымъ умомъ, я познакомился гораздо позже, въ послѣдніе годы ея жизни, когда она, послѣ смерти дѣдушки, жила съ нами. Тогда же, въ тѣ блаженныя воскресенья моего дѣтства, я зналъ ее только какъ бабушку-баловницу, какъ добрую хозяйку, у которой все въ домѣ шло какъ по маслу.

Мнѣ было такъ уютно и привольно подъ ея

крылышкомъ, я помню нѣжныя ласки этого строгаго судьи и сатирика, помню ея рассказы, по длиннымъ зимнимъ вечерамъ, объ ея дѣтствѣ, о двѣнадцатомъ годѣ (первомъ годѣ ея супружества), о холерѣ, во время которой на долю дѣдушки выпала большая и самоотверженная дѣятельность; объ ея первыхъ внучатахъ — умершихъ дѣтяхъ ея любимой умершей дочери. Я помню душистые цвѣтки жасмина въ ея красивой табакеркѣ, помню тщательно перемываемыя ею старинныя чашечки, изъ которыхъ она поила меня чаемъ съ жирными сливками и съ теплыми сдобными булками; помню ея пироги и паштеты, ея вкусныя пирожныя.

Я любилъ съ утра слѣдить за ея хозяйской дѣятельностью, хорошо зная, какія наслажденія готовятъ мнѣ результаты этой дѣятельности. Я находилъ вполне естественнымъ и должнымъ даже и то, что она иногда разъ по десяти въ день умывалась и въ особенности каждый разъ возвращаясь изъ кухни, что она доводила свою чистоплотность даже до того, что, желая отворить дверь, сначала обертывала руку въ свою черную шелко-

вую мантилью или турецкій платокъ, а потомъ уже, обернутой рукою, прикасалась къ дверной ручкѣ...

Рядомъ съ дѣдушкой и бабушкой мнѣ вспоминаются и другія лица, съ которыми я встрѣчался по воскресеньямъ въ ихъ домѣ. Это было самое разнообразное общество, начиная съ тонныхъ московскихъ барынь и кончая старомодными старичками и старушками. Моя память хранитъ цѣлую коллекцію курьезныхъ типовъ, нынѣ совсѣмъ исчезнувшихъ остатковъ старины московской. Но одна постоянная гостья дѣдушкинаго дома мнѣ чаще всѣхъ вспоминается и о ней то я думаю, когда заговорилъ про воскресенья моего дѣтства, про дѣдушку и бабушку и ихъ чистенькій домикъ.

Эта гостья была тоже старушка и звали ее Марьей Семеновной. Ей было далеко за семьдесятъ, но она еще сохраняла и бодрость и живость, полную силу разсудка. Маленькая, съ блѣднымъ и нѣжнымъ личикомъ, съ темными кроткими глазами, она одѣвалась всегда въ черное, носила на головѣ кружевной чепчикъ съ черными лентами, изъ подъ кото-

раго виднѣлись сѣдя бубли старинной прически.

Она пріѣзжала послѣ обѣдни въ огромной неуклюжей каретѣ, запряженной старыми откормленными лошадьми, съ сѣдобородымъ кучеромъ на козлахъ и сторбленнымъ, но все еще представительнымъ лакеемъ на-запяткахъ.

Когда въ дверяхъ залы появлялась маленькая фигурка Марьи Семеновны, я даже забывалъ о бабушкиной кулебякѣ и стремительно бросался ей навстрѣчу. Она входила, привѣтливо раскланиваясь и здороваясь со всѣми, усаживалась въ голубой гостиной постоянно на одно и то же мѣсто, а я прятался за спинкой ея кресла и наблюдалъ.

Вотъ она кладетъ къ себѣ на колъни неизмѣнный вышитый ридикюль, тихонько снимаетъ перчатки со своихъ крошечныхъ сухихъ рукъ, сверкающихъ дорогими кольцами, бережно укладываетъ перчатки въ ридикюль, а изъ него вынимаетъ вышиванье. Я замираю отъ восторга — это значитъ, что Марья Семеновна пріѣхала не съ короткимъ визитомъ, а останется, пожалуй, и обѣдать, это

значить, что вотъ скоро, скоро начнутся ея рассказы.

И дѣйствительно, проходитъ нѣсколько минутъ, въ гостиной ведется оживленный разговоръ; но вотъ чье нибудь слово, чье нибудь сообщеніе, новость дня или слухъ, наводятъ Марью Семеновну на какое нибудь воспоминаніе, и она ужъ рассказываетъ. Разговоръ стихаетъ, всѣ ее слушаютъ. Умѣнье рассказывать, завладѣвая всеобщимъ вниманіемъ — это особый талантъ, и такимъ талантомъ Марья Семеновна обладала въ высшей степени. Не отрываясь отъ своей работы, отъ какой то вѣчной прошивки, и только изрѣдка поднимая спокойные темные глаза на окружающихъ, она тихимъ, пріятнымъ голосомъ начинала обыкновенно не съ самаго происшествія, а съ его обстановки, объясняла характеры дѣйствующихъ лицъ, рисовала цѣльную картину, въ которой всѣ малѣйшія подробности были на своемъ мѣстѣ и являлись полными интереса.

Если-бы записывать за Марьей Семеновной, то это вышли бы прекрасные художественные рассказы; если бы Марья Семеновна

вздумала писать сама то, что рассказывала, и писала бы такъ же хорошо, какъ рассказывала, то она, конечно, оставила бы по себѣ большое литературное имя, но она, насколько я знаю, никогда ничего не писала; да и вообще замѣчательные рассказчики въ большинствѣ случаевъ бываютъ плохими писателями. И что очень важно, и что большая рѣдкость — Марья Семеновна никогда не повторялась, — ея память хранила въ себѣ неисчерпаемый запасъ всевозможныхъ эпизодовъ, приключеній; это была живая хроника старей русской жизни конца XVIII и начала XIX столѣтій.

Марья Семеновна принадлежала къ старому роду, членовъ котораго и теперь можно встрѣтить во всевозможныхъ углахъ Россіи; ея жизнь была разнообразна въ высшей степени, разнообразна и печальна. Она пережила мужа, всѣхъ дѣтей, внучатъ, и осталась одна въ своемъ старомъ московскомъ домѣ.

Постоянное горе, тяжкія сердечныя утраты, не сломили ея крѣпкаго здоровья; но что онѣ имѣли на нее огромное вліяніе — это несомнѣнно. Только искренняя вѣра, только

дѣйствительное искреннее смиреніе, помогли ей примириться съ тяжелой жизнью. Оставшись одна, она посвятила себя молитвѣ и добрымъ дѣламъ и вотъ тутъ-то близко сошлась съ дѣдушкой, который былъ ея руководителемъ и совѣтникомъ. Но, тратя всѣ свои средства на ближнихъ, она никогда ни однимъ словомъ не заикалась о томъ постороннемъ; молясь неустанно, она никогда не выставялась своимъ благочестіемъ. Ее знали и встрѣчали не какъ извѣстную богомолку и благодѣтельницу, а какъ милую и интересную старушку — и только.

Никто даже не жалѣлъ ее за понесенныя ею утраты, за ея одиночество; многіе и совсѣмъ не знали объ обстоятельствахъ ея жизни, потому что она тщательно это всѣхъ ихъ скрывала, потому что, говоря обо всемъ и обо всѣхъ, трогательно передавая чужія несчастія, чужія приключенія, — она ни словомъ не заикалась о своихъ несчастіяхъ, о своихъ собственныхъ приключеніяхъ. Въ разнообразныхъ рассказахъ, передаваемыхъ ею, она никогда не являлась дѣятельнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а проходила только

простою зрительницею.

Ея тяжело прожитая жизнь, ея горькое горе и утраты были для нея слишкомъ священнымъ крестомъ, и этотъ крестъ она рѣшительно и твердо это всѣхъ скрывала и всегда умѣла такъ держать себя, что никто не рѣшался прикоснуться къ ея святынь... Давно умерла Марья Семеновна, какъ и очень многія изъ тѣхъ кто такъ мирно и весело бесѣдовалъ съ нею и внимательно слушалъ ея разнообразныя рассказы въ голубой гостиной дѣдушкинаго дома. Когда ее хоронили, за ея гробомъ не тянулся длинный рядъ экипажей, не много свѣтскихъ знакомыхъ проводило добрую и интересную старушку въ послѣднее жилище; но вся улица буквально запружена была другого рода знакомыми, никому неизвѣстными ея друзьями, которые вдругъ объявились.

Эти друзья, пѣшіе и плохо обутые, заливались горькими слезами, прощаясь со своей скромной благодѣтельницей, и тутъ только стало извѣстно тѣмъ, кто интересовался подобными дѣлами, все добро, какое успѣла совершить въ жизни одинокая старушка... Но

ужь и это добро, видно, позабылось. Уныло стоит и кривится на сторону небогатый памятникъ, поставленный надъ ея могилой; никто не приноситъ свѣжихъ вѣнковъ, не осыпаетъ его цвѣтами, мало-по-малу стираются буквы ея имени...

Только не умерла она и совсѣмъ живая сохранилась въ памяти одного изъ ея слушателей. Будто сейчасъ я ее вижу, будто слышу еще ея тихій и ласковый голосъ. Не записывалъ я тогда своими дѣтскими каракулями ея рассказовъ; но они мнѣ и такъ хорошо памятны. Конечно, не сумѣю я передать ихъ съ той оригинальной живостью, съ какою, бывало, рассказывала Марья Семеновна, забылись и многія подробности, такъ что придется пополнять ихъ по другимъ источникамъ; но ужь и одно содержаніе этихъ рассказовъ само по себѣ интересно.

Задумавъ воспроизвести нѣкоторые изъ этихъ памятныхъ мнѣ рассказовъ, я невольно вспомнилъ о самой рассказчицѣ и той обстановкѣ, среди которой съ нею познакомился; я вспомнилъ манеру старушки — начинать съ самаго начала, начинать издалека, а потому,

ВМѢСТО предисловія къ моимъ рассказамъ,
позволилъ себѣ эту страничку дѣтскихъ
воспоминаній.

1903